

2 ноября 1941 г.

Особый район. Штаб 20-й армии

— Товарищи офицеры!

— Отставить!

Вошедший в кабинет командарм-20 Ершаков с укоризной посмотрел на своего начальника штаба, подавшего команду.

— Николай Васильевич! Занятия у союзников закончились. Все! Начались боевые будни. Так что прошу руководствоваться нашим уставом.

— Виноват! Товарищи командиры!

— Вот так! Хотя, я думаю, это ненадолго, — проходя к своему месту за столом, заметил командарм. — Скоро и мы наденем погоны. Здравствуйте, товарищи! Вольно! Садитесь! — обратился он к стоявшим навтыяжку за большим столом командирам дивизий. — Итак, дивизии Рокоссовского прибыли в Особый район и заняли установленные для них позиции. Нам дается два дня на прием войск. Вот разнарядка. Николай Васильевич, передай комдивам.

Ершаков передал НШ четыре довольно объемных папки.

— На основании последних данных штаба 16-й армии о численности мы постарались распределить остатки армии между нашими четырьмя дивизиями. Кроме этого, в папках справки о командном составе, включая командиров полков и штабов дивизий. Можете воспол-

нить недостаток штабных командиров за счет них. Выбор командиров полков оставляю за вами.

Сейчас ваша главная задача — распределить передаваемый личный состав по трем мотострелковым полкам и подразделениям обеспечения. Два оставляете на позициях и усиливаете их оборону своими танковыми полками, артиллерией и зенитчиками. Третий полк выводите в тыл, и там все по порядку — санитарная обработка, замена обмундирования, комплектование подразделений по нашим штатам, перевооружение, освоение техники и оружия и далее сколачивание подразделений. Аналитики союзников дают прогноз оперативной паузы от трех до шести недель. Последняя цифра маловероятна. Промедление для немцев просто губительно. Хотя их план «Барбаросса» и провалился, они в это верить пока что не хотят. Пока неизвестно, как Ставка рассчитывает использовать нашу армию — сразу ли бросит в бой, подрубая их танковые клинья, которые будут рваться к Москве, или даст им предварительно увязнуть в обороне Западного фронта. Поэтому ориентируемся на минимальный срок — три недели. Значит, на формирование каждого полка у вас должно уйти не более недели. Сроки, с одной стороны, нереальные, а с другой — личный состав не запасники, только что оторвавшиеся от женской юбки. Опыта у них — мама не горюй! Плюс командиры полков будут иметь еще по две недели как минимум на устранение недоработок. Да, еще очень важная информация! Особые отделы, усиленные личным составом и техникой союзников, будут проверять принимаемый личный состав. До последнего человека! Оказывать всемерную помощь и поддержку. Это первое.

Второе — это оборона периметра Особого района. После передачи личного состава эта обязанность ложится на нас. Понятно, что немцы уже ученые, а у района среди них крайне недобрая репутация, и я сомневаюсь,

что они попробуют штурмовать Особый район. Но чем черт не шутит! А вдруг? Полки на переднем крае должны быть в готовности отразить атаку. И еще — диверсионные группы! Пограничники сейчас отошли к нам в тыл — они тоже переформируются, но позиции своих секретов и заслонов они должны были передать вставшим на их места полкам. Обратите на это особое внимание. Есть вопросы?

— Полковник Михайлов, 101-я МСД, разрешите вопрос?

— Слушаю!

— Товарищ генерал-лейтенант! Обратил внимание на разницу в количестве водителей из передаваемых частей и штатом моей дивизии.

— Три недели! Три недели, Григорий Михайлович! Медведей на велосипедах учат ездить. На двух колесах! А тут четыре или даже шесть. Учите! Понятно, что наши дивизии моторизованы даже не в пример довоенным мотострелковым, и уж тем более — стрелковым. Но других людей у нас просто нет. Значит, будем учить! Кстати, занятия по тактике продолжаются. Только теперь вы вместе с советниками будете учить командиров полков и их штабы. Как научите, так и будете воевать.

3 ноября 2016 г.

г. Вязьма

Степан проснулся внезапно, как от толчка. Организм, мгновенно избавившись ото сна, перешел в режим готовности действовать. Резко открыв глаза, Степан встретился взглядом с двумя парами глаз, внимательно изучавших его лицо. Пара серых, и другая — карих. Серые глаза Вани, карие Маши. Дети стояли у кровати в своих смешных пижамках и молча смотрели на него. Луч солнца, проскользнув в щель меж плотных штор,

играл на картине, висящей на стене справа от входа в комнату. На картине была изображена лесная дорога, идущая по берегу то ли реки, то ли озера через березовую рощу, освещенную летним солнышком. Степан, повернув голову, посмотрел влево. На стене, покачивая маятником, размеренно стучали часы. А рядом с ним, уткнувшись ему в плечо, умиротворенно посапывала своим прелестным носиком Вера. Его Вера!

«Это сон? Конечно, сон! Такое счастье возможно только во сне! Вот сейчас протяну руки детям навстречу, и сон прервется. Тогда зачем? Зачем прерывать это счастье? А как иначе? Они ведь пришли ко мне. Во сне, но пришли! И я хочу попробовать обнять их хотя бы так».

Степан осторожно, пусть и во сне, вытащил занемевшую руку из-под Веры и, выпростав вторую из-под одеяла, протянул обе руки навстречу детям. И через секунду, когда его руки охватили худенькие тельца детей, до него дошло — это не сон! Это счастье, которое не где-то там, когда-то и вдалеке, а здесь и сейчас. Он вспомнил вчерашний вечер и ночь.

Вот они у перехода, стоят и ждут, когда придет майор Трофимов. И он пришел, попросив у Гришина командирскую книжку и отдав ее охране вместе с листочком бумаги. Сержант из спецгруппы, отвечавшей за охрану и оборону перехода, внимательно ознакомившись с протянутыми документами и еще более внимательно и подозрительно осмотревший Гришина, протянул ему документы, открыв калитку в заграждении, разрешая пройти.

— Так! Увольнение вам, Степан Антонович, комдив ввиду исключительных обстоятельств, разрешил до восьми ноль-ноль пятого ноября. То есть до послезавтра. Вера Васильевна! Уроки, которые вы должны были вести завтра, переносятся. По согласию директора шко-

лы, вас тоже завтра на работе не ждут. А сейчас давайте в машину, и нужно съездить за моей женой. Тут недалеко. Сергей! Позвони Гладкому и Дегтяреву!

Они сели в большую серебристую машину. Степан и Вера сзади. Степан держал в руке ее ладонь с дрожащими до сих пор пальцами, и от этого по всему его телу волнами шел жар. Дорога шла вдоль железнодорожных путей, ведущих от перехода. Остановились возле маленькой станции. Майор приложил к уху нечто похожее на маленькую рацию, подобную тем, что видел Степан у Васильева и его офицеров. Только меньше, гораздо меньше. И по этой рации он сообщил о своем прибытии кому-то, кого называл Зайчиком. Этим неизвестным оказалась миниатюрная симпатичная блондинка, вышедшая из здания станции.

— Познакомься, это муж Веры — Степан, — сразу предупредил садящуюся в машину женщину майор.

— Правда? — воскликнула женщина, повернувшись и с интересом взглянув на Степана. И тут же протянула ему маленькую ладошку, представившись: — Лариса! Лариса Владимировна.

— Капитан Гришин! Простите, Степан Антонович. Степан, — неожиданно для себя стушевался Гришин, не зная, как вести себя с этими людьми.

— Блин, а я ведь забыл познакомиться! Алексей Федорович. Трофимовы мы. Ну, Вера потом все расскажет, — спохватился майор, повернувшись и протягивая ладонь Степану. Рука оказалась сухой и твердой. Знать, майор не совсем уж был штабной работник.

— Так, довожу распорядок на сегодняшний вечер. Официальную часть: сейчас домой, запускаем баню. Я думаю, она в данном случае будет в самый раз. Давно, Степан, с переднего края?

— Да нет. Только сменились, прибыли в район Хватов Завода, как меня к комдиву вызвали.

— Вот! Значит, баня в обязательном порядке. Только на ее разогрев уйдет четыре часа. Пусть это будет личное время для вас обоих. В смысле, отец с детьми пообщается. Заодно маленький перекус устроим. А мужики подтянутся — шашлыки в качестве торжественной части сегодня в плане. Ну, не только мужики... По крайней мере, приедут все, кто сможет. Как-никак, Вера и Маша с Ваней наши общие крестники. План принимается?

Все это Трофимов говорил, крутя баранку и выезжая на дорогу.

Степан, к кому относился последний вопрос, лишь молча кивнул. Он сейчас был готов ко всему, так как душа его летала.

Монотонно и басовито рычал дизель, шумела дорога под колесами, мелькали деревеньки и встречные машины. Проехали КПП, на котором Трофимов лишь притормозил и, опустив стекло, по-приятельски махнул стоявшим у поднявшегося шлагбаума военным. Вера иногда перекидывалась с Ларисой Владимировной фразами о том, что готовить и что поставить на стол. Что нужно докупить в магазине. Но Степан под какую-то ритмичную музыку, лившуюся из радиоприемника, млея, не выпуская из руки и поглаживая своими огрубевшими от военной жизни пальцами нежные пальчики Веры. Более того! Неожиданно его бедро стало на редкость чувствительным, и он через шинель и пальто Веры ощутил тепло и упругость ее бедра. И где-то, совсем не в голове, начали зарождаться смутные желания.

«Фу ты, черт! Совсем как мальчишка! Распустился! Если сейчас, к примеру, немцы, то наверняка лопухнусь и не успею среагировать. Хотя... откуда тут немцы?» И Степан вновь погрузился в восприятие мира через пальчики Веры.

В себя он пришел, когда автомобиль остановился у магазина с большой надписью «Солнечный».

— Так, молодежь, — заглушив двигатель, обернулся и, взглянув на Степана с Верой, прервал их медитацию Трофимов, — мы с Ларой в магазин, вы — в детсад. И это... Степан, дай мне свой ТТ. На всякий случай! А то попадетсЯ какой-нибудь недоверчивый полицейский. Как бы до стрельбы не дошло. А у меня удостоверение — вездеход!

И, сунув протянутый Гришиным пистолет во внутренний карман, продолжил:

— Встречаемся тут. Пошли!

От магазина до детсада оказалось совсем недалеко. Вера, придирчиво взглянув на Степана, предложила ему подождать на улице и ушла за детьми.

«Что во мне не так? — удивился Степан и, оглядевшись по сторонам, понял: — А все не так!»

Кругом сновали люди, ездили машины, где-то вдалеке простучал на стыках и прогудел поезд. И тишина. В смысле — ни выстрелов, ни взрывов! И тут стоит он — в шапке-ушанке со звездочкой, полушубке, перепоясанном португеей с кобурой, пусть и пустой, в синем командирском галифе и сапогах. Причем это все, мягко сказать, не новое, кроме полушубка, и уж точно не совсем чистое.

«Да уж! Местным я совсем не выгляжу! — признал очевидное Степан и, вытащив папиросы, закурил. — Пачка кончается. Что-то я у майора папирос или сигарет не видел. Если он не курит, то в магазине ни за что не догадается купить. Беда!»

А минутами спустя ему стало не до папирос. Из дверей детского сада показалась Вера, а рядом с ней бегали и смеялись два маленьких человечка в ярких комбинезонах.

Не доходя шагов десяти до него, Вера остановилась и, волнуясь, произнесла:

— Дети, к нам приехал папа!

Дети, услышав это, замерли.

«Факт! Меня не узнали!» — ужаснулся Степан. И пошел к ним.

Когда он подошел, Ваня стоял перед Верой, как бы защищая ее от человека, в котором он еще не узнавал отца, а Маша спряталась за Веру и оттуда смотрела на Степана своими темными глазками. Степан опустился на колени и, обхватив, прижал их к себе, спрятав лицо в шуршащей ткани комбинезонов. Ушанка при этом свалилась с головы на слегка заснеженную землю.

— Здравствуйте, мои родные! Здравствуйте, мои детки!

Голос его звучал глухо. Он с трудом сдерживал влагу на глазах. Потом заговорил Ваня. Причем заговорил не так, как он это помнил. Совсем не по-детски.

— Я знал, папа! Я знал, что ты придешь! Ты уже победил фашистов? Если нет, то я скоро тебе помогу. Вырасту и помогу!

Степан взглянул в его глаза и не увидел ребенка. На него смотрели серьезные глаза маленького, но уже взрослого человечка, видевшего смерть.

«Сволочи! У моих детей украли детство!»

— Обязательно, сын! Обязательно победим! Я постараюсь сделать это побыстрее!

А Маша ничего не сказала, просто Степан почувствовал, как его голову охватили маленькие ручки и его поцеловали куда-то в висок. Степан поднял своих детей на руках и посмотрел на жену. Та взглянула на него слегка повлажневшими влюбленными глазами и, нагнувшись, подняла его упавшую ушанку. После чего надела ее ему на голову и, поправив, произнесла:

— Пошли к машине! Тебе не тяжело?

— Я об этом мечтал — нести на руках своих детей. Мне во сне это снилось. Может, сейчас — это сон?

— Нет. К счастью, нет!

У машины пришлось подождать — Трофимовы еще не вышли из магазина.

Дети тут же слезли с рук и побежали к качелям, установленным рядом с магазином. Кроме качелей, там находился небольшой, но добротный сделанный спортивный городок. И почти сразу из магазина показались Трофимовы. Причем майор толкал большую сетчатую тележку, нагруженную покупками.

— Ну, вот! Немного затарились к праздничному ужину. Так! Ваня и Маша! В машину! — принялся распорядиться майор, перегружая пакеты в багажник. — Надеюсь, ДПС тут нет. А то попадемся с детьми.

Про папиросы Гришин напомнить не решился. От магазина ехали недолго — минут пять. Дом Трофимовых располагался на крутом склоне над рекой, с которого открывался вид на улицы на другом берегу и на собор, возвышающийся над городской площадью. Дом Трофимовых и вообще дома на улице сильно отличались от привычных для Степана. Во дворе их встретил лаем из вольера алабай. Для пограничников собака редкая, но не незнакомая. Особенно для тех, кто служил в Средней Азии.

Когда в прихожей стали раздеваться и хозяйка принесла Степану тапочки, он смутился. В баню он после вывода роты в тыл не попал, и портянки у него были, мягко говоря, не первой свежести. Поэтому он взял тапочки и вышел на веранду. Только закончил переобуваться, следом вышел Трофимов.

— Не переживай! — увидев в руках Гришина портянки, приободрил он его. — Оставь здесь. Потом после бани Вера наверняка поставит стираться твоё белье, и портянки закинет. Я сейчас сауну включу — через четыре часа можно будет мыться. Только на прошлой неделе закончили баню строить. Сами к ней еще не призывкли. Жена — большая любительница парной.

— Спасибо!

— Да не за что! Мы очень рады, что ты нашелся. Твоя семья нам теперь не чужая. Так что... Эх-хе-хе! Как дальше-то будет?

— Теперь хорошо будет! Теперь я знаю, что Вера и дети живы, им ничто не угрожает. Знаете, какой камень у меня с души сегодня свалился? Я столько горя посмотрелся, пока отступал и из окружений прорывался. И каждый раз, видя убитых женщин и детей, представлял на их месте Веру с Ваней и Машей. Это страшно!

— Да! Это страшно! Но я не об этом. Я о своем, о мелкособственническом! О том, что Вере придется перебираться на ту сторону перехода. Пусть не сейчас, но придется. А мы и к ней, и к Ване с Машей привыкли. М-да... Вот когда понимаешь, что двоих детей недостаточно. Наши дочери разъехались, и мы остались одни. Ты, Степан, на ус мотай! У тебя есть время на исправление ошибок. Точнее, ошибки наши, и тебе их не исправить, но не допустить вполне возможно. Так! Пошли в дом, капитан! Стоишь тут босый!

— Я в тапках!

— Именно!

Степана отправили к детям на второй этаж. Вера вместе с Ларисой Владимировной занялась приготовлением ужина. Майор ушел во двор разжигать мангал. А Степан знакомился с игрушками детей. Постепенно собирались гости, и все поднимались к нему знакомиться. Таким образом, капитан Гришин был представлен двум полковникам из штаба Объекта и одной невысокой и ладной женщине — Ольге Владимировне, жене подполковника Богомолова.

А потом за ним пришла Вера. Загрузив его бельем, одеждой, простынями и полотенцами, держа в руках кувшин с каким-то напитком, она повела его куда-то вниз по лестнице.

Баня оказалась в гараже, где стояла машина, на которой они приехали. По размеру она была небольшая — парная с полкой в рост человека и электропечью, душевая кабинка, лавочка углом и небольшой стол, на котором стоял некий аппарат, оказавшийся радиоприемником. Который Вера включила, как только они вошли и зажгли свет. Из приемника лилась незнакомая ритмичная музыка, но Степану было не до нее.

Вера начала раздеваться. Степан про себя отметил, что на ней очень красивое белье, какого у нее прежде не было. Начав вслед за женой снимать одежду, Степан оробел. Яркий электрический свет не позволял скрыть видимого возбуждения. Он так давно не был с ней, что застеснялся своей наготы. Вера, раздевшись быстрее него, абсолютно нагая повернулась к нему лицом, окончательно смутив и заставив его покраснеть.

«Как пацан!» — с досадой констатировал Степан. От дальнейший терзаний его освободила Вера, прижавшись к мужу всем телом и впившись поцелуем в его губы.

На этом рациональное мышление Степана закончилось. Он полностью отдался чувствам. И свет ему уже не мешал. Терпкие губы, упругая плоть под рукой, твердый сосок, упершийся в грудь Степана, нежные и нетерпеливые пальцы на его естестве, его мокрая от сока ладонь, и, наконец Вера оторвалась от него и, повернувшись к нему спиной, оперлась на лавку. Первый раз закончилось все быстро, однако даже этого небольшого времени хватило, чтобы закончиться коротким сдавленным криком жены.

После этого они сидели на скамье, отдыхая, и целовались. Заметив, что муж снова переходит в состояние готовности, Вера улыбнулась и прошептала:

— Пошли в парную!

И тут же дополнила: